

18+ Михаил Небрицкий

Город без солнца: Кара. Нежелание

Михаил Небрицкий

**Город без солнца:
Кара. Нежелание**

«Издательские решения»

Небрицкий М.

Город без солнца: Кара. Нежелание / М. Небрицкий —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-504816-5

В книге изложено два рассказа, повествующих об обычных людях, в жизни которых случайным образом начинают происходить необъяснимые явления. При этом лишь им суждено разобраться в их источнике. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-504816-5

© Небрицкий М.
© Издательские решения

Содержание

КАРА	6
Глава 1. Успешное утро	7
Глава 2. Старый друг	18
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Город без солнца: Кара. Нежелание

Михаил Небрицкий

© Михаил Небрицкий, 2020

ISBN 978-5-0050-4816-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КАРА

КАРА – ж. казнь, наказание, строгое взысканье. кара божеская не людская. худая жена – кара господня. карать кого, казнить, наказывать. покарали его за дело. докарала его судьба, искарала вконец. накаралась над ним. в неправд бог карает (запинает). карать да миловать – богу да царю. не спеша карать, а спеша миловать. каранье ср. действ. по глаг. каратель м. – ница ж. кто карает, наказывает. карательный, относящ. к каре или к тому служащий. карательство ср. каранье и кара. кары перм. карушкикостр. в виде нареч. плохо, дурно, тяжело, благо, несносно. ехать-то кары ТЕПЕРЬ, бойка дорога. кара ж. арх. род блюда, многоугольником, с которого, поморы едят на судах.

(Словарь Даля)

Глава 1. Успешное утро

Начался очередной бессмысленный день. Очередное бессолнечное зимнее утро. Во второй половине января дни становятся похожи один на другой. При этом, начало дня похоже на конец, а в период светлого времени суток крайне тяжело определить который час. Ничто не отбрасывает тень, всё является серым, не подающим надежды. По промёрзшему асфальту топают пешеходы, вечно занятые в любое время года, при этом занятие у всех не меняется на протяжении всего времени, меняется лишь его внешний вид. На голых ветвях деревьев пытаются найти пропитание беззащитные воробьи. Ведь, по сути, их жизнь не особо отличается от человеческой, так же всю жизнь борются за своё существование. В комнате, насквозь пропахшей десятилетней пылью, покрывающей толстым слоем молдавский ковёр, перекосившийся на стене над диваном. Края и поручни дивана выстланы почерневшим от времени солевым налётом, слой за слоем накопившегося от прикосновений немых рук. Под диваном беспорядочно разбросаны бутылки, которые никак не удаётся полностью собрать, т.к. большинство укатилось ближе к стене, и невозможно просунуть руку из-за низкой посадки дивана. Если б я только мог что-либо изменить в своей жизни.

Очередное пробуждение после пьянки. Снова болит лобная доля мозга, давит в висках и жутко хочется воды. Внимание притуплено и заторможено. Память давно уже делится на отрывки. Гипотрофировавшиеся мышцы ещё долго не могут поднять тело с дивана. При всём этом уже надоевшая и жутко раздражающая слабость и дрожь в конечностях и языке. Но, тем не менее, физиологические потребности вынуждают задействовать опорно-двигательный аппарат. С первого раза никогда не удаётся встать ногой на деревянный, окрашенный в коричневый цвет, пол. Всегда попадаешь подошвой на очередную завалившуюся стеклянную или пластиковую бутылку. Как же это раздражает...

Отбросив ногой тару в дальний угол комнаты, я попытался встать. Проклятая низкая посадка дивана вынуждает опираться о спинку. Раздаётся характерный хруст в коленях. Как же тяжело передвигаться и как же далеко идти. Хоть бы одна сигарета осталась на утро, или хотя бы половинка. Как же всё раздражает. Ещё, кажется, что какую-то заразу снова подхватил, судя по ознобу. Ну, ничего, сейчас попью воды и всё пройдёт. И опять перед глазами очередная проблема. Где найти холодной воды? В чайнике как обычно пусто, все бутылки опустошены. Хоть бери и из-под крана пей. И вот оно – чудо. Половина бутылки пива прямо на столе. Похоже, что весь газ за ночь вышел и к тому же оно тёплое, но это именно то, что мне сейчас нужно. Трясушимися руками я подхватываю непрозрачную тару и мгновенно подношу её к пересохшим губам. И вот он – вкус сладкого хмельного напитка приводит в чувство вкусовые рецепторы моего языка. Приятный хлебный вкус большими глотками льётся в горло, наполняя фактически слипшийся желудок. Проклятый вакуум в стеклянной бутылочке не позволяет совершать большое количество глотков. Это заставляет нервничать. Ещё вечером я, невзначай, попил из этой же бутылки маленькими глотками, покуривая ароматный табак и наслаждаясь жизнью, которая, хотя бы на вечер, но удалась. А теперь вкушаю данный напиток как живую воду, приводящую в чувство любого изнеможенного раба. Хмель лился сквозь зубы прямо на покрытый белым налётом язык. Делая последний глоток я понял, что утро, наконец, началось. Теперь найти бы сигарету, покуривая которую, погружаешься в раздумья и строишь планы. Вдыхая едкий дым и выдыхая лёгкий пар. Глядя на тлеющий кончик папиросы, вспоминаешь каждого, кто с тобой когда либо был и помогал тебе. Эх... Приятное было время. И друзья были, и будущее виделось на горизонте, и всё казалось стабильным, и всё незаметно скатилось в пропасть. Друзья оказались не такими уж и верными, как, собственно, и любовь.

И тут начинаешь понимать, что дружбы не существует и что полагаться можно только на себя. Но когда я всё это понял – уже, к сожалению, было слишком поздно.

И всё же необходимость насыщения крови никотином оставалась актуальной. Для этого необходимо вылезти из берлоги и сходить на охоту. В очередной раз нужно действовать и принимать решения. Как же это раздражает. Трясущимися пальцами я медленно пытался натянуть брюки: засаленные до блеска, потрёпанные внизу брючин, истончившиеся в области ягодич и пропахшие смесью пыли, водки и стрости, как и всё вокруг. С трудом и раздражением продев пуговицу в петлицу, я застегнул брюки. После, подняв с привычного места пожелтевшую то пота и времени тельняшку, продел тощие руки через рукава, и с лёгкостью просунул голову через растянутый воротник. Потеплело. И сразу же перехотелось куда либо выходить, а просто захотелось спать. Я присел на диван и не смог встать. Было так тепло, так хорошо, что любое из действий казалось особо трудоёмким. Глаза сами закрылись, и я мгновенно прильнул к воспоминаниям. К тем самым, когда я ещё был женат. Но мне было плевать на эту проститутку, которая сама не знает, чего хочет. Мне вспомнилась моя дочь – единственное, чем я действительно мог бы гордиться. Помню, как мы с Серым и Саней и ещё кем-то отмечали её рождение, как я тогда был рад, что теперь есть кто-то, кто после моей смерти будет хранить память обо мне. Мне было приятно, и я чувствовал себя надёжно. Представлялось, как она будет расти. Что она будет самой умной и самой красивой среди сверстниц, и что все парни в округе будут желать хотя бы подержать её за руку. Но она будет их всех отвергать потому как принадлежит единственному мужчине, который её никогда не обидит, не оскорбит, никогда не покинет в трудную минуту и отдаст последнее, что у него есть, чтоб только ей было хорошо. И этим единственным мужчиной будет её отец, и какого бы спутника жизни она себе не выбрала, она всегда будет помнить добро, которое я для неё сотворил, и всегда будет считать первым мужчиной в своей жизни меня. А вот так получилось, что я, к сожаленью, ещё жив, а память обо мне уже давно утеряна. И нет меня больше ни для кого, кроме таких же забулдыг и неудачников как я сам.

Эти пасмурные мысли заставили меня открыть глаза. Нужно было вставать и что-то делать. Опираясь бледными, трясущимися, тощими руками о спинку сложенного диванчика, и хрустя коленными суставами, я, наконец-то встал. Встал посреди комнаты и задумался, никак не вспоминая своих предыдущих желаний. Как же это давило на мозг. Вспомнил... Курить!

Нащупав в тёмном коридоре свой бушлат, я со второй попытки продел руку в рукав. Всё это делалось на автомате. Теперь предстояло обуться. Происходит данное действие в полумраке, поскольку напрочь отсутствует желание включить освещение. Резко появившийся луч света вмиг ослепил бы меня, и это бы жутко меня нервировало, поэтому еслиб кто-то сейчас включил за меня свет в коридоре – я б его убил. Обув растоптанные ботинки, я нащупал дверную ручку. В подъезде был такой же полумрак, как и в прихожей. Громкое эхо от шуршания моей обуви по керамической плитке времён СССР, которой устланы полы в подъездах всех домов того времени, доносилось по всем этажам. От непривычного прилива свежего воздуха, у меня запершило в горле, и я вынужден был прокашляться. На мой кашель открылась соседняя дверь и выглянула запухшая рожа Гриши. В густой бороде сверкнули золотые зубы.

– Ну что, Мишаня, нормально вчера посидели? Сегодня повторяем...

– Не вопрос. Только было бы за что посидеть.

– А вот за этим я к тебе и собрался идти. Халтура подвернулась, забыл тебе вчера сказать, так что празднуем!

– Халтура-то халтурой, ты мне закурить дай! И тогда уже можешь рассказывать. Я пока дымка едкого не вдохну – уши закладывает, ничего слушать не могу.

Красное лицо молдаванина смутилось и из бороды резко донеслось:

– Я вот сам думаю, где бы стрельнуть. Надеюсь – у тебя осталось.

– Откуда? Мы ж вчера с тобой всё и сожгли вечером.

Гриша почесал мясистой, с почерневшими от грязи и сигарет без фильтра ногтями, рукой густую бороду и стал припоминать вчерашний вечер. Затем опустил чёрные глаза в пол и стал что-то бормотать себе под нос. Его чёрная, с прожилками седины, борода забавно шевелилась от его шёпота. Затем, резко подняв взгляд на меня, он с недовольством вскрикнул: «Вот какого хера ты не оставляешь сигарет на утро?»

После этих слов мне захотелось прописать этому виноградарю в его заросшее поддувало. Но я с долей любопытства ожидал продолжения монолога. Вместо этого он развернулся обратно в дверной проём. Медленно, но с большим усилием сдёрнул с вешалки свой тулуп, попутно зацепив ещё несколько курток, которые с шелестом, словно листья, упали на пол. Григорий сквозь зубы проворчал несколько матерных выражений, попутно нагибаясь и поднимая упавшую одежду. Подобрал с пола ветровку, он роняет тулуп и уже чётко и выразительно произносит красноречивое выражение, которое принято высказывать во время войны и родов. Я постарался скрыть насмешку и, вертевшись на языке расистские высказывания, превозносящие русскую нацию над жителями солнечной западной страны. Наконец, натянув на запылённую байковую рубашку в клетку свою телогрейку, он запер дверь и проследовал мимо меня к лестнице, спускаясь в низ. Я продолжал смотреть на него с недоумением. Он повернулся ко мне и крикнул: «Ну что встал? Пошли во двор!». Мне не сразу стало понятно, что он от меня хочет, и я слепо последовал за ним, создавая шуршание резиновой подошвы о ступеньки и крепко держась за поручни. Пока вышел из подъезда, Гриша уже занял место на скамейке, где обычно заседают наблюдательные старухи, которые приветливо здороваются с соседями, после чего любят обсудить все легенды и мифы, касающиеся прошедшей персоны. И их ничуть не смущает то, что предмет обсуждения никогда лично не общался с ними, и все истории о нём – не более чем надпись на заборе. При всём этом они никак не могут уследить, что твориться у них перед носом, и что творят их родные.

Молдаванин потёр огромные толстые руки, поднял нос кверху, осмотрев верхние этажи. Затем хриплым голосом громко произнёс: «Холодно, бл...» Я аккуратно присел рядом, поднимая воротник, чтоб морозный ветер не задувал в шею. Спустя минуту глухо, сквозь мех воротника, произнёс:

– Так что за халтура? Сколько дают? Что делать надо?

Гриня, повернул ко мне голову, и, будто нарочно, переспросил.

– Я говорю – что делать надо?

– Где?

Снова провокация на нецензурную рифму.

– На халтуре твоей.

– Помнишь Саню Антонова?

– Ну да. Вчера в магазине в очереди вместе стояли. Он ещё мелочь полчаса отсчитывал.

– Не мог ты его вчера видеть. Он в понедельник помер.

– Как помер? Вчера ж ведь только видел.

После этого я задумался и вспомнил, что вчера я его видеть не мог, потому как сутра я пошёл в бар, сидел там примерно до полудня, ещё какие-то торгаши запёрлись с торбами, взяли бутылку водки, напились и разбили рюмку. Обмывали, судя по разговорам, продажу mopеда. Затем я ушёл. По дороге зашёл к Васе, узнать, нет ли халтуры. По его просьбе оттащил

восемь мешков сахара на дальний склад в конце рынка. После чего получил гроши. Козёл... Я чуть было спину не надорвал, а он мне всего лишь двадцать гривен дал. Мол, где ты ещё сейчас за полчаса заработаешь двадцатку. При этом сам завышает стоимость товара так, что ни у кого на рынке таких цен нет. Я взял бутылку самогона и пачку сигарет и пошёл домой. В подъезде я встретил вышеупомянутого Григория, который, заметив у меня в кармане тару, решил припасть на хвост. Я сказал ему, чтоб притащил чего-либо «к столу» и приходил. Зашёл домой. Не успел раздеться, как «борода» уже прибежал следом. Денег у него хватило только на пиво. Я ещё упрекнул его, что лучше б поесть чего-нибудь взял, нежели на пиво тратиться. Он вытащил из кармана банку кильки в томате и с недовольством протянул мне. Затем я включил радио, и под знакомые, заслушанные до дыр песни, прошёл наш с ним вечер. В пьяном угаре выпроводил не на шутку разговорившегося друга и больше ничего не помню.

– А когда хоронят то?

– Ближе к полудню. Нужно будет крышку гроба нести и крест, а пока пошли на рынок, чего здесь сидеть мёрзнуть, может ещё чего-то подзаработаем.

Договаривая реплику, бородатый уже начал вставать со скамьи, и я тоже был рад уйти с этого пронизывающего ветра. Асфальт во дворе покрыт лужами с плавающими в нём кусками льда, который разламывается под колёсами первого же проезжающего мимо автомобиля. Передвигаясь, нужно было обходить все эти водные преграды, при этом оглядываясь, не едет ли кто-то сзади. Постоянный холод, попадающий в нос с каждым вдохом, жутко раздражал. Намного приятней было бы впускать в лёгкие тёплый табачный дым, задерживая дыхание, после чего медленно выдыхать, ощущая, как тепло распространяется по всему телу, включая конечности. Пасмурная погода, мерцающие мимо чёрные куртки. Водители медленно проезжающих машин с открытыми ртами наблюдают за дорожной обстановкой, ювелирно выкруливая между ямами. И ветер, долбаный холодный ветер, из-за шума которого ничего не слышно. Волнистый тротуар с выпирающей из бетона щебёнкой, верхушки которого за десятки лет стали гладкими, словно морская галька. Между камешками я заметил что-то круглое, отблёскивающее золотистым цветом. Подойдя ближе, я убедился, что это новенькая монетка, лежащая «орлом» кверху. «Хорошая примета» – пронеслось в голове. Я согнулся, с трудом разгибая окоченевшие пальцы рук, подобрал холодные, как лёд, десять копеек, мгновенно сжав их в кулак, в котором латунный кругляшек за долю секунды согрелся. Гриша не заметил моих движений, только обернулся, пройдя около шести шагов от меня, и возмущённо крикнул, чтоб я быстрее шёл. Я сделал несколько резких шагов, делая вид, что спешу догнать его, и после того, как он вновь повернулся, пошел обычными шагами.

Гришаня, возмнив себя атлетом, решил, что ходит быстрее меня, но я вмиг догнал его шатающееся из стороны в сторону тело и мы продолжили путь нога в ногу. Этот пропиный алкаш что то бормотал про какого-то торгаша Женю, про какие-то утюги и гимнастёрки. Про какое-то серебро, которое кто-то выменял на мотоцикл. В общем, все сплетни, которые свободно гуляли по рынку, Гриня впитывал в себя как губка, после чего любил их залить мне во время очередных посиделок. Когда глаза залиты, любая история проходит мимо ушей, и ты не вникаешь в детали, а улавливаешь лишь суть. Поэтому слушаются такие байки легко и непринуждённо. Но когда ты трезв, и думаешь о том, как бы поступить в дальнейшем, и как раздобыть всё необходимое, то подобные рассказы тебе в пах не упёрлись, и поэтому раздражение от отвлечения очень даёт о себе знать.

Вдруг мои раздумья оборвал хриплый возглас: «Вот он!»

– Кто?

– Женя, старьёвщик, о котором я говорю.

– Какой Женя?

Борода повернулась в мою сторону, и по ходу движения начала произносить:

– Ты что, меня не слушаешь?

– Ну как сказать, – с ухмылкой произнёс я.

– Пойдём к нему!

– Зачем?

– Я спрошу у него об утюгах!

Уточнять, о каких именно утюгах идёт речь, я посчитал бессмысленным, поэтому молча проследовал за другом.

На горизонте появился невзрачный старичок в светло-зелёном брезентовом плаще, потрепанной фуражке-восьмиклинке, потёртых на носках, но тем не менее, кожаных башмаках и ватных, судя по оттопыренным стрелкам, великоватых на него брюках. Я видал его здесь и ранее, отличительной чертой данного персонажа было то, что не смотря на свой неказистый вид, он изо дня в день выходил на своё рабочее место с чисто вымытым, и выбритым лицом. Исходя из этого, я пришёл к мысли, что он является бывшим военным, ныне находившимся на пенсии. Он расположился за железным прилавком времён 90-х годов, судя по многочисленным слоям нанесённой на него краски, давно превышающим толщину самого металла. На прилавке и за его пределами располагался разный хлам, который торгаш оценивал по стоимости нового. Гриша подошёл к продавцу, по-крестьянски пригнувшись, и неуверенно протянул ему руку. С натянутой улыбкой он начал что-то вопрошать у Евгения, активно жестикулируя руками. Я не вдавался в суть вопросов, лишь принялся рассматривать барахло. Дул жуткий холодный ветер и достать руки из карманов, чтоб поднять что-то для детального рассмотрения, представлялось затруднительным. Однако товарища это не смущало, и он активнейшим образом жестикулировал красными ладонями на ветру, указывая то на Женю, то на его товар, при этом добавляя мат через каждое слово. Я вновь перевёл взгляд на железо. Назначение много из лежащего я знал. Седло от мопеда «Карпаты», в юности у товарища был такой же. Кирзовые сапоги, которые железнодорожники обменивали на деньги либо обувь подходящего размера, после того, как получают обновки, так как обычно они получали сапоги, которые на них были великоваты. Тески, вынесенные из завода. Интересно, как он их каждое утро перетаскивает со склада на прилавок и обратно? Кухонная эмалированная утварь с потёртыми торцами. Головка блока двигателя мотоцикла Java с поржавевшими по оцинковке рёбрами воздушного охлаждения. Железные канистры для бензина с облупившейся темно-зеленой краской и деформированным запором горловины. Старое женское платье, стиранное несколько раз и утерявшее прежний светло-синий цвет, которое вряд ли кто-то у него купит. Хрустальные бокалы прошлого века и графин, утративший прозрачность от многочисленных мелких царапин на поверхности. Колёса для тачанок.

Да, действительно многое из этого стоит цены, которую он запрашивает. Только лишь потому, что столь качественный товар трудно отыскать в наше время. Современный производитель ориентируется на рынок потребления, поэтому, чем скорее продукт выйдет из строя и потребуются его замена, тем больше возрастёт спрос на продукцию. Ранее же товары производились более качественно и ориентировались на потребителя, а не на увеличение прибыли. Не смотря на это, количество товара изо дня в день не уменьшалось. Я снова осмотрел прилавок и моё внимание привлекли они... Совсем новые, блестящие кожаные туфли. У меня когда-то были такие же. Круглую сумму за них выложил в своё время, но при этом ни капли не жалел. Прекрасные коричневые туфли из конской кожи не оставляли равнодушным никого. Я тогда долго собирался их купить, долго откладывал и так же долго в них ходил. Но когда окружающие сменили уже по несколько пар обуви, я всё так же ходил в них, и мне это надоело. Было

жалко прятать их в шкаф, так как они почти не утратили первоначального блеска и шарма. Но всё же, они уже всем приелись. Затем я стал одевать их для разнообразных целей: от вскапывания огорода до работы на стройке. Они вскоре утратили первоначальный лоск и глянец, быстро потрепались и отправились на помойку. Сейчас я жутко об этом жалею, если б не мода, от которой я и так уже отстал, я бы до сих пор в них с удовольствием ходил. Но при этом отдавать такую же сумму, как и в тот раз вовсе не хотелось.

Раздумья оборвал хриплый резкий крик: «Миша, пойдём!» Судя по недовольному выражению лица друга я понял, что удовлетворительного ответа он не получил. Я подошёл в продавцу и поинтересовался о цене приглянувшейся мне обуви.

– 150, но могу уступить, если несколько пар возьмёшь.

У меня и на одну то-денег не было, он ещё хочет, чтоб я несколько взял. Куда мне в них ходить то? Я взглянул на свои потёртыеботинки из кожзаменителя. Ну, немодные, местами облупились и покрылись трещинами, из-за чего иногда попадает вода. Потрёпанные чёрные шнурки с торчащими во все стороны волокнами. Начавшая отставать у носка подошва. Из-за ненадлежащего ухода давно утратившие свой первоначальный шик. Но всё равно тёплые, а то уже не погода в туфельках то щеголять.

Пока я интересовался, Гриша уже увеличил расстояние так, что мне пришлось его догонять. Пока я шагал, сокращая дистанцию, подумал, что по сути, такую сумму можно отложить, трудясь на подработках и экономя на выпивке. Но куда уж больше экономить? И так пью только самогон по двум причинам: первая – потому что он дешевле, а во-вторых – потому что это хотя бы натуральный продукт, в отличие от той химии, которую продают в стеклянной таре за огромные деньги. Я-то знаю цену алкоголю, и больше чем он стоит – никогда не дам. А вино? Откуда посреди зимы берётся виноград для изготовления продукции? А пиво – это не то пиво, которое было раньше.

Но все мои попытки отложить хоть какую-то сумму на чёрный день оканчиваются всегда примерно одинаково – всё, что откладывается на похороны уходит на ближайший праздник.

Всё-таки догнав Гриню, я услышал порцию лестных выражений о том, какой Женя барыга и как он любит наживаться на простом народе. Я аккуратно попытался разузнать, в чём собственно конфликт. Объяснение было предельно ясным.

– Нашёл я недавно в сарае старые мамкины утюги и хотел выручить за них пару копеек.

– Ну и?

– А он, видать, буквально понял слово «копеек». Я ему говорю, что там металла на большую сумму содержится, так он мне и говорит, чтоб я засунул себе свои утюги в... Сам, главное, продаёт всё по космическим ценам, а скупает всё за копейки. Спекулянт хренов.

– Я так понял, подзаработать сегодня не особо удалось, так?

– Ничего, Пойдём к Васе, может какую работёнку предложит.

После такого предложения, мне почему то захотелось пнуть молдаванина ногой.

– Ну, давай! Иди к Ваську, может чего подзаработаешь.

– А тебе что? Деньги не нужны?

Самое обидное, что он был чертовски прав, и это больше всего меня раздражало. Снова на горбу переть эти проклятые мешки, да ещё и по холоду. А потом смотреть, как он жадно достаёт мятые купюры небольшого номинала и, с улыбкой на пьяной красной роже, протягивает их тебе. Хорошо, что хоть сплясать не требует, я бы тогда ему улыбку подправил. Настроение упало ещё ниже. Я молча последовал за товарищем. Повсюду нерасторопно передвигался народ, всматриваясь и местами останавливаясь у прилавков.

Женщины в меховых шапках, кожаных плащах и пальто, держащих в нежных, покрасневших от мороза, ручках, покрытых золотыми украшениями, набитые продуктами пакеты и сумки. Мужики-пенсионеры, громко обсуждающие недавние новости, при этом размахивая мясистыми натруженными ладонями с плотно усаженными на пальцы обручальными кольцами. В карманах натянутых на раздувшиеся, но не утерьявшие форму животы, дублёнок отчётливо виднелся силуэт упаковки отечественных сигарет среднего качества. Плотного телосложения старухи, перекатывающиеся из стороны в сторону при ходьбе, что затрудняет процесс их обгона при движении. А если одна такая вдруг надумает остановиться между прилавками, внезапно заприметив интересующий её товар, то движение по дорожке между торговыми рядами можно считать затруднённым, либо вовсе перекрытым. Школьники, резко проскальзывающие в толпе, при этом что-то обсуждая между собой несформированными детскими голосами. И, разумеется, красавицы продавщицы. Это дамы, как правило, замужние, но при этом не перестающие следить за собой. Лестно отзываются на мужское внимание, искренне улыбающиеся приглянувшимся им покупателям, а те, в свою очередь, не обращают на это никакого внимания, рассматривая лишь прилавки с товаром. Ну как так можно? Красавица-продавщица целый день стоит на рабочем месте, угождая прихотям требовательных покупателей, жутко уставая от монотонности рабочих будней. Не от хорошей же судьбы они вынуждены мёрзнуть январским утром на рынке. Деньги то всем необходимы. Но неужели нельзя проявить хотя бы капельку взаимности при хорошем отношении и хоть разок улыбнуться при общении с представительницами этой сложной профессии? Ей ведь тоже хочется немного сочувствия и понимания. А ведь всего одна улыбка благодарного покупателя может поднять настроение на весь день и скрасить серые будни. Но при этом все суетятся, рыщут, удовлетворяют свои потребности, а радости от этого никакой. Я в своё время частенько любил скрасить будни какой-нибудь хорошенькой кассирше, тщательно следящей за собой то ли для привлечения покупателей, ведь у такой всегда приятно покупать даже коробок спичек, то ли постоянное одиночество вынуждало её непрерывно искать себе спутника жизни. А где как не в таком людном месте водятся достойные джентльмены. И всегда у меня находился дежурный комплемент, и улыбка, да и принято тогда было так. А сейчас всё держится на деньгах, ибо только они решают любой вопрос и открывают любые двери. А о человеческой взаимопомощи все позабыли.

Вот мы и пришли к Василию.

Его приземистая физиономия в насквозь пропитавшемся мукой и вином камуфляжном костюме, который давно уже утратил свои маскировочные свойства, а служащий, скорее, как опознавательный знак, по которому его определяет весь рынок. На покрасневшем от спиртного лице появилась ехидная молдавская ухмылка. Обычно такой цвет лица у него приобретается рано утром, в начале рабочего дня. Это помогает ему согреться и быстрее найти общий язык с товарищами по делу. В конце же рабочего дня, степень опьянения напрямую зависит от суммы, вырученной от продажи товара. В самые удачные рыночные дни – это, как правило, выходные – его можно увидеть неровно шагающим домой, не разбирая дороги и опирающимся на свой велосипед марки «Украина». Железный конь, утерьявший свой первоначальный глянец, заднее колесо которого при перекатывании напоминают цифру «8», а внешняя сторона цепи полностью покрыта слоем ржавчины, служит ему верным другом.

В начале дня транспорт везёт на своей тонкой раме огромное количество мешков с сахаром и мукой, достойно выдерживая нагрузки в несколько сотен килограммов. Так же является надёжной опорой для своего хозяина во время дороги домой, в каком бы состоянии не находился наездник и как бы умело не управлял двухколёсным аппаратом. Скрип деформированных от недостатка, либо отсутствия смазки подшипников в каретке, легко смешивался с шумовым фоном окружающей среды при каждом нажатии на педаль велосипеда во время езды.

Василий является человеком женатым, поэтому большая часть расходов в его семье строго контролировалась со стороны спутницы его жизни. Ну а то, что контролю поддаться не успевало, без ущемления совести, оставалось в ближайшей забегаловке. И дабы пропустить значимую долю средств мимо семейной казны, к растрате зачастую привлекаются иные лица, которые по воле судьбы оказались неподалёку. Они так же готовы выделить определённую сумму денег для удовлетворения общих интересов. В таком случае формируется новый так называемый «общак», которого иногда хватает до самого вечера. По дороге к месту траты выделенных сбережений, нередко ещё встречаются лица, не обременённые заботами, по крайней мере, до конца дня, и также не отказавшиеся провести остаток дня в компании собеседников, обсуждая под запах спиртного и молдавских сигарет общие проблемы и интересы.

Я сам часто попадаю в подобную компанию, наслаждаясь дарами, предоставляемыми столь приятным обществом. Благо, Вася в этом вопросе не является особо притязательным. Поэтому я не слишком расстраиваюсь, когда за выполненную работу он предлагает недостойную плату, зная, что будут времена, когда он обязательно будет щедрее и перестанет, в пьяном угаре, считать деньги, и тогда все вокруг ощутят всю щедрость молдавской души. И пусть даже на утро он мало что вспомнит, но любить его после этого все будут ещё больше.

Григорий, как обычно, по-крестьянски ссутулился, согнул ноги в коленях и робко, мелкими шажками, подошёл к Васе, неуверенно протянув руку для приветствия. Василий, держа в губах сигарету, дым от которой шёл прямо ему в глаза, заставляя его жмуриться, широко размахнул свою короткую конечность и с разгону врезал её в мускулистую кисть моего друга. При этом, сквозь зубы, чтоб не уронить окурков, громко прошипел: «Ну, здорово!». Я при этом стоял позади широкой спины бородатого, надеясь, что продавец меня не заметит. Но низкорослый торгаш нагнулся вправо, чтоб меня разглядеть за спиной товарища.

– Мишаня! А ты чего там спрятался?

Протянул мне правую руку, огибая Гриню. Тот, в свою очередь, замети этот жест, сделал левой ногой шаг назад, тем самым открывая обзор собеседнику на меня, поворачиваясь ко мне левым плечом. Мне жутко не хотелось доставать из кармана на мороз руку, тем более, что я ещё трезвый и всё меня раздражает. Я всё же протянул ладонь, и почувствовал, что его пальцы очень тёплые. Сжал их посильнее и очень не хотел отпускать. Та секунда, пока я тянул кисть в карман, показалась мне самой раздражительной. Это когда ты долго несёшь тяжесть, и тут представилась возможность на секунду отдохнуть, и ты ценишь эту секунду, с болью осознавая, что нужно нести дальше.

«Что нового? Василий?» – громко послышался из бороды хриплый голос. Торговец, не задумываясь, наотмашь ответил: «Да всё по-старому». Разумеется, вопрос был риторическим, и всем абсолютно всё равно, но мужская солидарность обязывает поинтересоваться делами собеседника. Взгляд продавца устремился на Гришу.

– Ну что, охламоны, будем работать?

Вот бы поровнять егопочерневшие зубы, чтоб думал, прежде, чем по пьяни сказать.

– Конечно, работаем. Деньги то всегда нужны.

– Зачем же это тебе деньги? Всё равно, ведь пропьёшь.

– А ты, будто, не пропьёшь. За тем вот и нужны. Бесплатно-то никто не наливает.

– Так если б хоть только выпить. Ты ж ещё и, на пьяную голову, закусить желаешь.

Запросы у тебя расти начинают.

– Мои запросы не выше твоих будут.

– Ничего. Будешь работать – будет у тебя: и стакан вина, и кусок хлеба.

А я, будто, и не знал... Какой же мерзкий и скользкий тип. Он в трезвом состоянии малопривычен, а в пьяном и вовсе противно общаться. Но, по сути, если найти общий язык, то не такой уж он и превратный. Правда, о себе и о своём прошлом не особо любит рассказывать, даже когда под градусом. Однако, кое-что в общих чертах о нём знают все, но ровно то, что он считает нужным, чтоб все знали.

«Значит так» – неожиданно начал пояснять Вася неуравновешенным командирским тоном, нагибаясь за мешком и переставляя его поближе к Грише, – «берёшь вот этот и пиз... в общем идёшь к контейнеру. Там ждёшь меня, я пойду следом открывать. Миша, бери второй мешок и за ним. Сейчас я вас догоню». Произнося стариковские вздохи, Гришаня обхватил пальцами края мешка, крепко сжимая их, и повалил его на плечи. Здоровый мужик, сразу видно – всю жизнь работал. Такой в старости без куска хлеба не останется, если хорошие люди, конечно, помогут. Я взял поклажу за края, оторвав от земли и неся перед собой. Жутко неудобно, колени при ходьбе бьются о мех, оставляя при этом мучные следы на брюках. Но что поделать – спина с прошлого раза всё ещё ноет, да и нести недалеко. Молдаванин резво завернул за угол, и так же резво добрался до контейнера. Я же, поправляя около трёх раз ношу, так как синтетические мешки достаточно скользкие и ещё на морозе почти не чувствуешь пальцев, дотащил муку к пункту назначения. Григорий уже успел опереть свой мешок о стенку контейнера, всунуть руки в карманы и, поджав плечи, припрыгивать, пытаясь согреться от морозного ветра. «Где этот (нем.) господин там ходит?!» – Возмущённо прорычал сердитым голосом товарищ. «Я сейчас оставлю это всё здесь и пойду к чёрту, пусть сам и тащит». Вдруг послышался грохот. Из-за угла, небольшого роста Вася толкает перед собой железную тачку с наложенными на неё мешками, крепко вцепившись за холодные стальные поручни тачки. Дым от зажатой в зубах сигареты ветер вдувал прямо ему в глаза, заставляя его жмуриться.

– И какого лешего мы их тащили, если у тебя есть тачка?

– Вот только что забрал, а то Кирия одолжил и потерялся. Вот пошёл и забрал.

– А нам что теперь делать

– Там ещё пять мешков, сейчас пойдёте и привезёте, а пока эти разгружайте.

Торгаш всунул руку в глубокий карман, с трудом отыскивая там ключи. После того, как вытащил, стал перебирать их замёрзшими пальцами, чтоб найти необходимый. Всунул в щель, придавил плечом железную дверь и с третьего раза отпёр замок. Послышался громкий скрип заржавевших петель контейнера. «Заносите!» – спокойным тоном, не выпуская сигарету из зубов, произнёс Вася. Мы с товарищем на секунду переглянулись, затем принялись поднимать принесённые нами мешки. Синтетика на холоде быстро отдаёт тепло, поэтому после карманов мгновенно ощутили холод синтетической плетёнки. Как же это раздражает. Гриша занёс свою ношу в дальний угол контейнера, после чего развернулся и наткнулся на меня, доносящего муку, чтоб положить её поверх предыдущего мешочка. Товарищ молчаливо отступил в сторону и провёл взглядом мой груз. После того как я его плюхнул на Гришин, друг недовольно вздохнул и проследовал к выходу. Я уловил его желание критиковать мой рабочий подход и мои действия, поэтому сразу был готов послать Григория куда подальше, в случае, если он откроет свой разговорчивый рот. В момент, когда я вышел, друг уже поднимал ещё одну тару с мукой. Я поспешил освободить проход и подошёл к тачке. Подняв ношу я развернулся к контейнеру. Переступил порог, Гриша уже шёл за следующим мешком, но увидев меня – прижался к стене, чтоб обойти. «Плотнее ложи там!» – всё-таки не удержался, чтоб не дать совет. «Что бы я без тебя делал» – прозвучало в голове, но не хотелось закатывать скандал с выходцем из солнечной Молдавии.

Когда занесли всю муку, Вася скомандовал идти за следующими.

– А кто пойдёт?

- Так Гриша и пойдёт. Загрузит, привезёт, а ты тут и разгрузишь.
- Так ты же ему больше заплатишь, чем мне, т.к. он сделал больше работы, чем я.
- Я тебе в тот раз нормально заплатил, тем более, что вместе пить будете. Давайте работайте уже, встали они тут!

Друг ухватил тачку и пошёл за оставшимися пятью мешкам, тем более, что он могла позволить перевезти сразу все. Я зашёл в контейнер, чтоб спрятаться от ветра. Хозяин подкурил новую сигарету. На холоде все больше курят, чем в тёплую погоду. Отвёл взгляд куда то в сторону, показывая, что не желает заводить со мной диалог, пока ждём товарища. Но мне не особо-то и хотелось. Слышно, как сильно дует ветер. Я представил, как хорошо бы было сейчас сидеть дома, упираясь локтями тельняшки в угол стола и наполнять стакан чем-то горячительным. Я представил себе всё детально: тишину, звук заходящих в бутылку при разлитии пузырьков воздуха и плеск водочки в сосуде. Звук трения полного стакана о поверхность стола, когда с размаху хватаешь его. Как смотришь на него, собираясь поднести ко рту и насладиться жгучим вкусом сладкого спирта. И тут в кухню заходит маленькая дочка и смотрит на тебя блестящими дрожащими глазами. Увидев, что ты собираешься выпить, она хочет плакать и просит, чтоб ты не пил. Брр, меня передёрнуло.

С чего бы вдруг мне могла вспомниться дочь? Как то странно, такое редко бывает и то только в воспоминаниях. Жуть какая-то. Я потёр веки и заметил, как Гриня приблизился к контейнеру. Пришлось выйти на ветер и перетаскивать груз. Просить друга помочь было неудобно, т.к. он только что сам это всё загрузил. Пока я носил муку и сахар, молдаванин выцыганил у торгаша сигарету и подкурил её. Вот жук. Нет, чтоб мне одну попросить. На удивление, быстро прошел процесс разгрузки. Вытряхивая ладони от налипшей муки, я подошёл к этим двум. Гриша протянул мне сигарету. Удивительно, и одновременно приятно, что кто-то о тебе подумал. Подкуривая, стал смотреть, как продавец жадно отсчитывает из толстой пачки красную и зелёную бумажки. «Вот вам тридцать гривен. Как хотите – так и делите, а мне ещё контейнер закрывать». Ну, я понимаю, что товарищ поработал больше чем я, поэтому большая часть суммы принадлежит ему. Он тоже это понял и тут же отдал мне червонец. Хоть и мелочь, но когда стал строить на неё планы – стало приятно. Мы попрощались с Вахой, и ушли, обсуждая планы, на что и как нужно потратить заработанное.

– По-любому надо пожрать купить. Нам сегодня, если даст Бог, ещё перепадёт, а то я сегодня не ел ничего.

– Да, пошли пирожков горячих с мясом возьмём, поедим и согреемся.

Мы пошагали к железной будке, где прямо на улице жарят пирожки. Проходим мимо раскладных столов с одеждой, за которыми цыгане громко предлагают приобретать свитера. Теперь, наконец, виднеется покрашенный в серый цвет железный ларёк. На улице возле него, под зонтом, расположился стол, покрытый светло-синей клеёнкой, на котором стоит фритюрница с вечно кипящим в ней маслом. Рядом пластиковая решётка, на которую из фритюрницы выкладываются жаренные пирожки. Под решёткой подставлен поднос, таким образом, масло, стекающее по решётке с пирогов, оседает на подносе, и потом его можно заново использовать. Народу возле ларька было немного, однако продавщица никак не успевала пожарить достаточное количество пирожков. Народ здесь питался разный: в основном местные торгаши. Перед нами очередь заняли трое: Полноватая старуха, в синем пальто, платке и валенках, она, судя по всему, заказала много, а за ней двое парней. Судя по разговору и внешней схожести – братья. Тот, что постарше – в очках, у младшего, по ходу, со зрением получше. Они что-то обсуждали шёпотом, речь, явно, шла о деньгах. Младший обут в добротные офицерские ботинки из яловой кожи. Его короткая, видневшаяся из-под кепки стрижка говорит о том, что он бывший, либо нынешний военный. Однако давно не служит, судя по характерной запущенной щетине на лице. «Вам сколько?» – с кавказским акцентом задала нам вопрос продавщица.

«Два отдельно» – мгновенно ответил товарищ. Он-то здесь часто питается. «Сейчас сделаю» – сказала добрая армянка, укладывая около пяти пирожков клиентке. Резкими движениями она срывает пакетик, укладывает туда продукцию, и так же резко другой рукой добавляет несколько салфеток. Старуха толстыми короткими пальцами протягивает смятые купюры, готовя вторую руку для пакована.

– Доставай свой червонец, чтоб я двадцатку не разбивал.

– Ну, заплачу я за пирожки, и у меня останутся две гривны, а у тебя целая двадцатка, ты и так больше меня получил.

– Ты жлоб, бери давай за свои, всё равно я вечером пузырь возьму. Вместе же пить будем.

Логично, вечером то всё равно бухаем вместе. Да и с двадцати ей сдачу труднее давать.

Двое братьев взяли еду и медленными шагами ушли. Я и не успел заметить, как уже два белых пакета с горячими беляшами нам любезно протягивала продавщица, вежливо произнося: «Пожалуйста». Я отдал десятку, она мигом положила её в фартук и отдала мне двушку. Горячий пирожок обжигал пальцы. Я не мог его сразу есть, не подождав, пока он остынет, хотя товарища это не смущало. Он аппетитно кусал большие куски, и не пережёвывая глотал их. «Суровый мужик» – с ухмылкой подумал я. Но я нашёл способ быстро его остудить, вынув из пакета и держа в салфетке. Тёплый кусок теста с мясом, приправленным специями, согрел организм и душу изнутри. Мудрая цитата: «Будет день – будет пища».

Дело подходило к полудню. Нужно было уже двигаться к людям, которым обещали помочь. Доедая по дороге хавку, мы прошли сквозь толпу мельтешащих покупателей, занявших дорогу, и вышли на Привокзальную. До дома оставалось рукой подать, но морозный, усиливающийся ветер, делал эту процедуру затруднительной. Обледенелая дорога, заставленный автомобилями тротуар не давал возможности свободно идти домой, не опасаясь, что сзади кто-то наедет. По дороге, Гриша встретил товарища, считая своим долгом рассказать ситуацию на рынке. Обсудить цены на картошку и яйца, упомянуть о нынешней ситуации в политике, «лестно» отзываясь о некоторых представителях. И каждый день одно и то же. Однако, как говорится «Кто владеет информацией – владеет всем». Ну, или как-то так.

Глава 2. Старый друг

Наконец мы притопали во двор. Сытый желудок немного согрел конечности, хотя на самом деле странно. Ведь глядя на физиологические свойства организма, всё должно быть не так. Для переваривания пищи желудку необходимо большое количество крови. Кровь отступает от конечностей и стремится к желудку. Поэтому нежелательно плавать после приёма пищи до момента полного переваривания. Следовательно, пальцы не снабжаются достаточным количеством крови и скорее замерзают. Однако этот же дефицит жидкости и уменьшает отдачу тепла. Да и пирожочек горячий. Так что всё логично.

До похоронной процессии оставалось меньше получаса, поэтому мы поспешили подняться. Как оказалось, у Александра почти не было друзей, поэтому его жена Настасья решила нанять двух забулдыг, чтоб те несли гроб. Основной присутствующий контингент – это бабы. Друзей у него не было, многие говорили, потому, что жена их всех отшила от него. Хороший был мужик, сильный, волевой. Всегда с ним можно было выпить и ни кем он не брезговал. В долг всегда мог дать. Трудолюбивый. Однако всё это длилось до тех пор, пока он не влез под каблук. Жена его поначалу тихая была, скромная, худенькая. Но шаг за шагом, близкие начали замечать, как он меняется. Друзья ему стали не друзья вовсе, позабыл он их. Высокомерным стал, остепенился. Из пластиковой посуды пить перестал. И ценности у него другие стали. В общем, загубила баба мужика, вот теперь и лежит он в деревянном ящике. Однако не мне судить, ведь со стороны всё выглядит иначе, чем изнутри, моя история тоже не благополучная.

Мы вошли в квартиру. В коридоре на двух табуретках одиноко стоял гроб с покойником.

Деревянный ящик, обтянутый тонким синтетическим сукном, края которого не обшиты по разрезу. В нём, закутанный в белоснежную тюль и укрытый цветами лежал Саня. Высохшие кисти рук сложены на груди, однако лицо его было, словно живое, и на нём отдалённо просматривалась тревога. Я всегда относился к смерти с уважением, зная, что всем уготовлено своё время, но также никому не хочется знать, когда же это время наступит. Гриша снял шапку, сжал её в левой руке, закрыл глаза и правой рукой перекрестился, нащёптывая что-то под нос. Я так же впопыхах снял головной убор и открестился от данной участи, в глубине души считая, что отдалил от себя скорбную дату.

«Хороший был мужик, все хорошие люди помирают рано» – тихо, почти шёпотом произнёс Григорий. Товарищ опустил глаза и о чём-то задумался. В соседней комнате слышны приглушённые голоса. Я, так и не одевая шапку, аккуратно приоткрыл дверь. В центре комнаты стояла приземистая фигура его жены и что-то настойчиво толковала стоящему напротив мужчине, при этом активно жестикулируя пухлыми пальчиками. Второй мужчина сидел в кресле и наблюдал за эмоциями собеседников. Как только я приоткрыл дверь, все трое резко перевели взгляд на меня. Выражение лица Насти стало проще, и она развернула туловище ко мне, опустив руки. «О, вы уже пришли?» – глядя в пол и направляясь ко мне, спросила женщина. Я молча кивнул, приветствуя господ. «Значит, я сейчас возьму табуретки, а вы вынесите гроб». В этот момент из комнаты неспешно вышли мужчины. Они то и дело молчали. Один из них широкоплечий с каменным лицом, не проявлял никаких эмоций, он-то и сидел в кресле в тот момент, когда я заглянул. Обут в кожаные ботинки, такие, как у того парня утром, а второй немного поменьше. В кожаной куртке, тёмно-синих джинсах и кроссовках. Рыжие волосы расчёсаны на бок и на более эмоциональном лице двухдневная щетина. Этот принялся командовать, назначив Гришу и своего друга держать гроб со стороны головы, а сам со мной взялся за ящик спереди. Выносили, как и подобает, вперёд ногами. Благодаря широким пролётам постройки, маневрировать было просто. Но всегда присутствовало чувство страха оступиться

и упасть с телом, испортив при этом процессию. Однако всё прошло благополучно. У подъезда начали сходитья соседи. Мы установили покойника и поспешили подняться за венками. Гриня всё это время что-то нашёптывал себе под нос. Судя по настроению – ругался.

Пока мы поднимались, парни то и дело пронесли мимо нас ритуальные предметы, крест и венки. Рыжий сказал, чтоб я забрал остаток искусственных цветов. Венки опёрты о стену в комнате. И пока я набирал их в руку, хозяйка всё время что-то искала в шкафах, нервно чего-то приговаривая. Я забрал веночки, после чего хозяйка спешно хлопнула дверцей шкафчика и пошла за мной. Пока я спустился на один пролёт, она заперла дверь на ключ. Я остановился и спросил: «Это всё?» Она взглянула на меня, а я приподнял вверх венки, указывая на них. Настасья подтвердила, что это последнее, что стоило забрать. При этом глаза её всё время осматривали все углы подъезда. Я вышел, заметив, что парни уже вынесли крест, несколько табуретов и остальные атрибуты похорон. Аккуратно оперев каркасы с искусственными цветами о дверь подъезда, я отошёл в сторону. Там уже парни повязали на левую руку полотенца, которые вяжут всем, кто несёт покойника. Амбал сразу же начал вязать такое же и мне. Так же подоспели ещё два мужика и две бабы.

Одного из тех мужиков я знал. Это Егор. Бывший экскаваторщик коммунального отдела, ныне на пенсии. Другой же, судя по всему – соотечественник тех господ. Ну и дамы – подруги вдовы. Здоровяк потуже затянул линияное полотенце на моей тощей руке, задерживая при этом дыхание, а затем тяжело выдохнул. Я киванием поприветствовал Егора, он в свою очередь, не особо радуясь нашей встрече, зажмурил глаза и кивнул. В толпе, бабами активно обсуждалась личная жизнь усопшего, вскрывались новые факты, подлинность которых уже никто не мог доказать. Также обсуждения затронули и Настю. Некоторые винили её в смерти мужа, однако, прямых доказательств и свидетельств очевидцев я так и не услышал.

Толстые тётки, размахивая руками и отводя взгляды по сторонам, втолковывали собеседницам свои доводы, те в свою очередь подкрепляли их совершенно не касающимися дела фактами. Громкий шелест голосов вдруг прервал затяжной вой. Так как он раздался у меня за спиной, это заставило меня обернуться. Увиденное не могло меня не удивить. Несколько минут назад и не думавшая плакать и скорбеть на публику по уходу из жизни мужа, вдова присела на табурет, прижалась лицом к телу и достаточно громко зарыдала. Довольно странно. Однако слова, произнесённые за спиной, расставили всё на свои места. «Бедняга. Как тяжело ей было утром, она еле сдерживала слёзы» – сочувствующе произнёс рыжий двум женщинам пенсионеркам. Бабули кивнули, подтверждая на украинском языке слова собеседника, дополняя своими наблюдениями. Действительно, сильная женщина, ведь лишилась любимого мужа, с которым прожила более двадцати лет. Основное, с чем ей в ближайшее время придется смириться — постоянное отсутствие родного человека. В момент начала громкого рыдания, весь шёпот среди собравшихся прекратился, но в разных краях толпы уже через минуту возобновились дискуссии. Стоящие рядом с гробом старухи вытирали слёзы белоснежными платками, моментально поднося их к носу. Ветер, будто нарочно, незаметно прекратился. В воздухе висел мороз. Женщины в чёрных шубах медленно и скорбно подносили цветы к гробу, аккуратно кладя их на тело возле головы Насти. Жуть какая...

Водитель катафалка присоединился к беседе со знакомыми Анастасии, договариваясь о чём-то лицом к лицу. Время тянулось достаточно долго. Я успел выслушать все небылицы о старом друге. Эх, как им не стыдно? Саня ещё не в земле, а злые бабы языки уже прополоскали ему все косточки. Недостоверность многих фактов я знал наверняка, т.к. знал правду. Но вмешиваться и спорить с клушами я не стал. Пусть думают, что обо всём знают. Народ потихоньку подтягивался. На голых деревьях чирикали воробьи, обыскивающие взором окру-

жение в поисках пищи, рывками меняя положение головы. Шёпот немного притих, и рыдание бедняги стало более отчётливым. В такие моменты все с пониманием относятся к ситуации, однако никто не желал бы в ней оказаться.

Саша был простодушным человеком. Не особо отличался увлечениями, словом, был как все. В юности занимался футболом, не стараясь добиваться особых успехов. Любил погулять и познать чего-то нового. Не смотря на статус его отца, Саня всегда был человеком из народа. Легко заводил новые знакомства, поэтому его знала половина города. Никогда не любил конфликтовать и всегда находил общий язык. Как правило, держал себя в хорошей физической форме, однако никогда не акцентировал на этом внимание и не брезговал пропустить рюмку. Была в нём одна характерная черта, с которой уже давно все смирились. Его привычка метаться из крайности в крайность у многих вызывала насмешку. Частая перемена образа жизни, исключая какое-либо совмещение, выглядела наивной. Но всё же, этот этап происходил у многих, и позволил более точно определиться с желаниями – это и формирует жизненную позицию.

Самое главное в этот период формирования личности не принимать решений, кардинально меняющих образ жизни. Нужно испробовать всё, но не забывать держать себя в рамках, иначе будет не жизнь, а перекасти-поле, без смысла, без цели, жить, что бы жить. С женщинами у него всё было скромно. Никогда не заводил посторонних романов, всегда был верен своему выбору. Поэтому слухи, мелькающие в толпе о том, что у него где-то есть внебрачные дети, скорее всего – выдумка. Однако каждый его выбор спутницы жизни чреват наличием каблука над его головой. Кто-то скажет, что я придиричив, и так и должно быть, тем не менее и я, и большинство моих товарищей, включая Григория, в момент увлечения женщиной оставались самими собою. Всегда находились в контакте с близкими и темы для обсуждения никогда не менялись. Всё те же блудные мысли, алкогольные вечера, разговоры о технике и политике и ничего не могло помешать дружеской атмосфере. Александр же, в данной ситуации, ограждал себя от соотечественников, редко выходил на контакт и кардинально менял своё мировоззрение. Пошлые шутки его не забавляли, от алкоголя он, зачастую, отказывался, да и нас он старался избегать, особенно в присутствии дамы сердца. Винить его в этом бессмысленно, т.к. это всё равно, что обвинять льва в том, что он хищник и желает кушать. Тем не менее, мы никогда не были злопамятными, и в любой момент могли прийти ему на помощь. Особенно после неудавшегося романа. При этом, как обычно, бранили его за неудачный выбор и неприемлемое поведение, чтоб отбить желание и как можно дальше отодвинуть последующие попытки от нас сбежать. После последней попытки у нас опустились руки и мы пустили всё на самотёк. Это имело свои последствия, и, возможно, результат этого мы сейчас наблюдаем. Убитая горем супруга склонилась над бездыханным задубевшим мужем, проливая слёзы на белоснежную сетчатую тюль. Все мужчины, пришедшие провести покойного в последний путь, толпятся с краю. Егор, наконец, поняв, что больше общаться не с кем, решил подойти к нам. Делал он это медленно, короткими шагами, опустив голову и временами поднимая её, глядя в сторону гроба. Подошёл ко мне и, заглядывая мне в глаза, начал задавать вопросы:

– Так, а где ж его дети? Почему не приехали?

Я не успел открыть рот, как в беседу вмешался Григорий.

– К вечеру должны приехать. Вдова вчера сказала. Им только сегодня сообщили о смерти.

– Так, а у старшего сына жена...

Я не успел вникнуть в их содержательный разговор, так как меня подозвала одна из старух. Я аккуратно пробрался сквозь толпу, подойдя к бабке. Она сжимала в толстых коротких пальцах платок и попросила меня перенести венки на машину. Я взял в обе руки по несколько венков и, обойдя гроб и любезно попросив уступить дорогу, подошёл к грузовику. Плат-

форма была устелена вишнёвым ковром, над платформой натянут брезентовый козырёк. Я залез на кузов и аккуратно расположил венки, оперев их на край со стороны кабины, который так же обтянут краем ковра. В момент, пока я обернулся, чтоб покинуть автомобиль, к грузовику подошёл водитель и двое вышеупомянутых господ. Они решали, куда установить гроб с телом и попросили меня остаться наверху. Женщины поспешили завершить процесс прощания вдовы с усопшим супругом, поднимая и оттаскивая её от гроба. Та не собиралась просто так отпускать любимого, продолжая проливать слёзы. Как же я не люблю этот момент. Всё-таки, одной из старух удалось поднять Настю и прижать к груди. Бабуля с вдовой вместе принялись горько плакать, вытирая платками слёзы и нос. Гриша, Егор и двое господ оторвали гроб от табуретов и понесли покойника вперёд ногами к грузовику. Я присел на корты на краю платформы и протянул руки, чтоб принять деревянный ящик. Господа подошли к автомобилю и приостановились, водитель поспешил в кабину. Я принял край и протащил его ближе к центру ковра. Рыжий резво запрыгнул ко мне, оставив Григория и своего друга подавать тело с земли. Мы вместе затащили гроб и поспешили покинуть платформу. Я бросил очередной взгляд на лицо покойника. Оно всё так же казалось мне тревожным, хотя в таких случаях оно должно умиротвориться и лишиться каких либо эмоций. Нет, оно не было искажено испуганной гримасой, однако зная детали мимики бывшего сослуживца, особенности его выражений, я в былые времена и без слов мог определить, что его что-то беспокоит, даже если он всем видом пытается указать на то, что всё в порядке. «От чего он помер?» – вдруг, наконец, меня осенило поинтересоваться у Григория. «Сердечный приступ» – без эмоций, заученным текстом произнёс друг, не отрывая взгляд от земли. Странно, ведь он редко жаловался на проблемы со здоровьем. Хотя у него с детства был гастрит, с сердцем и артериальным давлением у него всё было в порядке, прямо как у военного лётчика. Но в последнее время мы редко общались, поэтому о его недугах я ничего не мог знать. Ведь в таком возрасте возможно приобрести перечень заболеваний, включая хронические.

Настасья, всё так же прижималась к груди соседки, всё громче и громче рыдая. Кроме соседки, её никто не стремился утешать. Бабы поспешили взять веночки, одна из них подобрала портрет с прижизненной фотографией Саши, угол которого перевязан чёрной лентой. Здоровяк сразу взялся за крест. Завёлся двигатель. Тётки, держа в руках венки, перевязанные лентами с указанием того, кто данный аксессуар посвятил, выстроились в колонну. Во главе заняла место держащая портрет хмурая женщина в платке, из-под которого торчали крашенные в пепельный цвет локоны. За ней своё место занял крестоносец. Я с Гришей, рыжим и Егором взяли крышку гроба. Колонна двинулась. Все медленным шагом ступили вслед под неутолимый плач вдовы. Солнца, фактически, не видно. Снова начался ветер. Люди с хмурыми лицами монотонно передвигались, погрузившись в мысли, каждый о своём. Я и сам, грешным делом, задумался о подобной участи. Ведь каждого это ждёт, чего уж там греха таить. Представил, каково это лежать в деревянном ящике перед подъездом, когда вокруг тебя все толпятся. Все будут обсуждать твою жизнь. Слава Богу, хоть плакать будет некому.

Я медленно шагаю, глядя под ноги. Промёрзшая земля. Зимой умирать – это дополнительные заботы для близких. Ведь землю копать тяжелее и с живыми цветами более напряжённо. Крышка оказалась лёгкой, и взял я её достаточно удобно, так что не пришлось подтягивать её или перехватывая рукой. Я почему-то взглянул на Гришу. Интересно, кто из нас умрёт первый, и если я – будет ли он скорбеть? Так, это уже лишнее, нужно гнать подальше дурные мысли, и я незаметно сплюнул через левое плечё, постучав по крышке гроба.

Хотя в такие моменты, я думаю, каждый задумывается о собственной смерти и смерти своих родных и друзей. Мы стали приближаться к перекрёстку. Знающие старухи бросили полотенца на дорогу. Никогда не знал, для чего это, однако видел это не в первый раз. Полотенчики запакованы в целлофан, чтоб не пачкались, после чего бабули со скрипом их подни-

мали и шли дальше. Супруга покойного перестала рыдать, вытерев слёзы платком. Холодно, зябко, рука, держащая крышку, на ветру задубела. Нужно было перчатки взять. Тем не менее, такое ощущение, что у молдаванина руки не мёрзнут никогда. Перехватывать и как-либо разминать руку было неудобно, т.к. все держат крышку и не жалуются, поэтому я незаметно стал шевелить пальцами. Водитель ехал, примерно на первой скорости. Следовать пешей колонной планируется до конца улицы, там уже виднелся уготовленный для перевозки людей автобус. Белый, однако пожелтевший от солнечного свата, ЛАЗ, с красной окантовкой. Уже не терпится скорее забраться в него и спрятаться от ветра. Это и раздражало. Колонна двигалась очень медленно, поэтому пройти короткое расстояние занимает много времени. Я активнее разминаю пальцы под крышкой. От раздражения начинала болеть голова и давить в висках. Так и хотелось взять и подогнать колонну и водителя. Ветер временно прекратился, но ситуацию это не меняет. Я по-прежнему не чувствую руки. Шофёр автобуса уже завёл мотор, прогревая систему, и это обнадёживало. Из выхлопной трубы повалил синий дым. Явно, клапаны пропускают масло. И вот, наконец, обнадёживающая команда: «Кладём крышку гроба рядом». Автомобиль остановился. Я поспешил двинуться вперёд. Благо товарищи чувствовали себя так же и не задерживали процесс. Я перехватил деревяшку, спрятав бесчувственную руку в карман, и аккуратно передал свой край Егору, тот в свою очередь отдал дерево рыжему, который уже забрался на платформу. Отвернувшись от машины, я принялся дыханием разогреть руку, сгибая и разгибая пальцы. Терпеть не могу это ощущение.

Толпа двинулась в автобус. Полные бабки не спеша забирались в салон, приостанавливаясь у входа, отдыхаясь и выискивая место, куда бы присесть. Найдя подходящее кресло, они громко указывали на него собеседнице, поднявшейся следом, и жестикуют руками. Затем они боком пробираются через половину салона, втискиваются в кресло и, задержав дыхание, падают на сиденье, при этом резко выдыхая. Я уже не спешу подниматься, дожидаясь, когда все усядутся. В противном же случае, мне придется подниматься потому, что окажется, что я занял место какой-нибудь бабы Вали, которая заприметила это место, стоя ещё на улице.

Гриша скорее начал заходить, занимая очередь между женщинами, зазывая хриплым голосом меня следовать за ним. Я же стоял на тротуаре спиной к толпе и выкрикнул, что сейчас приду. На самом же деле моё внимание привлекла оживлённая беседа вдовы с рыжеволосым. На её лице впервые за день появилась улыбка. Их диалога я так и не слышал, поэтому судить ничего не могу. Внезапно он взял её за руку и прижал к себе. Кто-то из старух начал бы строить домыслы и осуждать её, однако первая мысль, что пришла мне в голову – утешает. Женщине и так серьёзно досталось, ещё не хватало, чтоб злые языки сейчас добились её настроения. Разумеется, мне было её жаль. Не смотря на то, что она захомотала его по самые помидоры, всё-таки он прожил с ней тридцать лет. Наверняка у них были свои взлёты и падения. Уверен, что в каждой семье присутствуют свои скелеты в шкафу. И не смотря на то, что она младше него больше, чем на пять лет, всё-таки они нашли много общего, внося коррективы друг в друга. Есть же такие, кого не пугают недостатки второй половины – не то, что эту шлюху.

Я вновь вспомнил о бывшей жене и воспротивился. Развернувшись, я вижу, как поднимается крайняя пассажирка и поспешил спрятаться в кузове. Поднявшись, я заметил, что возле Григория уже присела какая-то пенсионерка и он, с немного виноватым видом, поднял взгляд на меня. «Сідай сюди!» – вдруг дёрнула меня за рукав баба Зина. Свободное место прямо напротив входа. Разумеется, оно будет свободным, так как все пенсионерки берегут своё здоровье и опасаются того, что во время движения, из щели в двери может задуваться холодный воздух. Поэтому Зина села возле окна, да ещё и желает прикрыться мной от сквозняка. Ну, спасибо...

Настасья осталась в кабине катафалка рядом с водителем, а её рыжеволосый товарищ зашёл в автобус и сразу проследовал на свободное место возле водителя. Пневматическая дверь со скрипом закрылась, шофёр поднажал на педаль акселератора, автобус тронулся.

В салоне громко разговаривали старухи. Все пожилые люди разговаривают громко, то ли из-за того, что с возрастом возникают проблемы со слухом, то ли из-за того, что в таком возрасте уже некого стесняться. Широкая соседка вынуждала меня сидеть ближе к краю, заставляя часть моего туловища находиться на весу. Одно из коленей я оттопырил в сторону прохода, не опасаясь, что создам кому-то неудобство, т.к. по ходу движения никто не будет выходить. Путь предстоял сравнительно затяжной, потому я расслабился и откинулся на спинку. А вот всё-таки интересно, когда же я умру, то моя дочь узнает об этом? И увижу ли я её в дальнейшем остатке жизни? Так бы хотелось снова её увидеть, поговорить с ней о том, как у неё дела. Она ведь уже взрослая, наверняка уже и свои дети есть. А ведь я помню её совсем крохой. Они ушли от меня, когда она была в первом классе. Очень хотелось бы, чтоб она меня, хотя бы, капельку помнила. Всё-таки, хочется увидеть её, её мужа. Надеюсь, она выберет не такого безнадёжного забулдыгу, какого выбрала её мать. Так не хочется, чтоб её кто-то обидел. Та старая проститутка, наверняка уже нашла ей нового отца, и теперь вынуждает её взять его фамилию. Ведь она никогда не перебирала мужским вниманием. Постоянно кокетничала с мужиками, часто оставалась с ними один на один, постоянно заигрывая и подбирая общие темы для обсуждения. Вот же шлюха. Она любила передо мной повыкаблучиваться, заговаривая с незнакомыми мужчинами. А в моменты, когда один из них осматривал её животным взглядом с головы до ног, желая плотских утех, она, зная, что я всё это вижу, могла ему мило поулыбаться. В моменты, когда моё терпение переполнялось, и я требовал объяснений, я слышал одну и ту же фразу: «А что в этом такого?» Здесь как обычно моё терпение лопало, и начинался скандал. Разумеется, словами шлюху вряд ли переубедишь, так как, видя всю мою злость, как я кричу и у меня поднимается давление, судя по стуку в висках, она могла просто рассмеяться мне в лицо, делая вид, что не понимает, о чём я толкую. Тут уже не хватало никаких сил. Гораздо легче мне становится, когда залеплю этой дуре пару раз по её наглой морде. Что бы там не говорили, что женщин бить нельзя, я всегда был уверен: блядей – можно, особенно, когда они рассказывают, что они не такие, хотя факты свидетельствуют об обратном.

Ни разу не жалею ни об одном нанесённом ей ударе, не жалею о её пролитых слезах, т.к. я целиком и полностью уверен, что она сама виновата в моих деяниях. Каждый раз после очередного скандала у меня в душе вскрывалась язва. Моё дыхание перехватывало и хотелось плакать. Я подолгу сидел сам на кровати, пока она ревела в ванной, глядел на клетчатый половик и терзал себя раздумьями, как я до такого докатился, как я избрал себе такую спутницу жизни. Затем я всегда шёл с друзьями заливать дыру внутри себя, т.к. терпеть больше не было сил. Мы сидели допоздна в гараже, пили водку и курили папиросы. И каждый раз, когда я был в состоянии жуткого опьянения, я понимал, что все эти её слёзы – лишь показуха, и что она не исправится и всё так же будет себя вести таким образом. Я всё так же буду кричать и нервничать, но мне в таком состоянии уже было всё равно. Я лишь надеялся, что этот кошмар когда-нибудь закончится, я сильно этого хотел.

Друзья видели мою неподдельную грусть и мгновенно подливали мне жидкость в стакан, похлопывая по плечу и громко заявляя, что всё будет хорошо. Мы сидели до полуночи, после чего я, забыв о поводе для разочарований, шёл домой, не разбирая дороги. Мне было хорошо, действительно хорошо. Я ни о чём не задумывался, для меня не было проблем. Моим ориентиром был свет, видневшийся в двери подъезда, и я шёл на него. Лишь взявшись за поручень и ступив на первую ступеньку, у меня вновь падало настроение, я снова представлял себе, что сейчас войду в квартиру, где моя жена таит на меня злобу, и пока меня не было – она проду-

мала, как высказать мне всё, что обо мне думает. Я останавливался внизу лестницы, глубоко вдыхал и понимал, что мне всё равно.

Шатаюсь и крепко держась за поручень, я шаг за шагом поднимался на второй этаж. Перед глазами всё плыло, и я не различал деталей. Но всё же, сенсорная память позволяла мне без препятствий добраться до двери. Оперев ладонью левой руки об стену, правой рукой я всё-таки доставал ключ и тщетно водил вокруг замочной скважины. Пальцы отказывались слушаться. Провернув ключ, я всё-таки попал в квартиру. Свет я, как правило, не включал. Закрыв за собой дверь, я облокачивался на неё спиной, чтоб удерживать равновесие. Затем я сгибался, и двери касались только ягодицы. Шатаюсь, как флюгер, из стороны в сторону, я развязывал шнурки и снимал обувь. Весь этот процесс происходил достаточно шумно, но мне до этого не было дела, хотя я и старался, как можно меньше шуметь. После, я снимал верхнюю одежду, и часто случалось так, что из-за того, что вешалка была переполнена, моя куртка или пиджак падал, шелестя и ударяясь пуговицами о линолеум. Это, как правило, вызывало у меня нецензурную речь с упоминанием полового акта с чьей-либо матерью, подразумевая мать моих детей. Хватаясь за стены в крошечной тьме, я пробирался к спальне. Жена уже спала, либо делала вид, что спала. Я сидел на край постели, снимал носки, тельняшку и брюки. Наконец я вздыхал спокойно, в глубине души чувствуя себя в безопасности. Просовывал ноги под одеяло и моментально уснул. И если обычно мне не дают сразу уснуть разные мысли, то здесь такой проблемы не возникало. Сознание отключилось, а тело я, фактически не чувствовал, разве что природные позывы, вынуждающие меня снова встать. На утро, как правило, болела голова и страшно хотелось пить. Жена уже давно поднялась и копошилась на кухне. Я встал, привёл себя в порядок, удовлетворил природные позывы и зашёл на кухню выпить воды. Жена со мной не разговаривает, давая понять, будто я виноват. Я тоже ничего не говорил, не извинялся. Она подавала завтрак на меня и на дочь, опустив глаза и не глядя на меня. Я, молча, ел, потихоньку раздупляясь, выпивал много воды и одевался.

Вечером, мы обсуждали бытовые проблемы, позабыв о былых происшествиях. Так и оканчивался день. Но всё-же оставался осадок и вкус жёлчи на языке от того, что я живу с проституткой. Не дай Бог, если дочь станет такой же. Ну, нет, она у меня умница, вся в папу вырастит, кто бы там не называл себя её отцом, надеюсь, родного она никогда не забудет. И этих маминых хахалей она будет посылать подальше. Как же я всё-таки по ней скучаю. Я снова загрустил. Так стало гадко и хотелось плакать.

Вот мы уже приехали. Водитель открыл двери, пассажиры стали понемногу вставать и направляться к выходу. Ещё несколько секунд двигатель работал на холостых оборотах, после чего шофёр заглушил его. Бабки с громкими вздохами спускались со ступенек. Мне так же пришлось поторопиться, во-первых: потому, что я должен был помочь справиться с гробом, во-вторых: баба Зина начала меня подталкивать, тяжело, но настойчиво двигаясь к выходу. Быстро сойдя с лестницы, держась за поручни, я заметил, как Григорий направляется к катафалку, я поспешил за ним. Возле машины уже стояла щупленькая старуха в сером тулупе, который на два размера больше неё и сложенными у живота руками в тёплых вязаных варежках. Это была работница кладбища. Она мгновенно обратило внимание на меня с Гришей, подняв руку и указывая на нас: «Вы, идём со мной, возьмете носилки и верёвку». Мы покорно последовали за ней. Вошли на территорию кладбища в каменное сооружение с выкрашенными слой за слоем синей краской стенами. Там за дверью, оббитой фанерой было что-то типа склада: вёдра, лопаты, банки с краской, накрытые целлофаном и плотно утрамбованной поверх целлофана крышкой, чтоб создать более герметичное хранение и замедлить процесс засыхания красок и лаков. Так же замотанные в пакет кисти, доски, мешки с цементом и известью и многое

другое, плотно наставленное друг на друга. У стены возле окна стояли уже уготовленные деревянные носилки с положенной на них верёвкой. Я переступил через банки и инструмент и обошёл носилки, взяв их сзади. Гриша подошёл к другому краю и взялся за другие ручки. В дверь их так просто не протащить, пришлось перевернуть на бок, чтоб товарищ мог с ними пройти влево в узкий коридорчик. Стараясь не наступать на инструменты, мне пришлось маневрировать по комнате. Бабуля всё это время стояла в углу и наблюдала, теребя в варежке старый ключ от той самой двери. В таком же повернутом положении и выносили их из помещения. Следом, запев замком, вышла бабка, держа в руке смотанную верёвку. «Пойдём!» – невзначай скомандовала хозяйка. Бородатый повернулся ко мне спиной и мы понесли грубые деревянные носилки вдоль кладбища. Я глядел на затёртые до блеска доски. Им уже не один десяток лет. Такое чувство, что они являлись атрибутом погребений всего кладбища, или хотя бы половины. Высокая прочность требовала значимой массы изделия, поэтому и без груза, носилки достаточно громоздки. Уже виднелся синий грузовик с собравшейся возле него толпой, они все ждали нас. Старушка короткими шагами двигалась следом за нами, однако, мы такой роскоши себе позволить не могли. Вот мы и пришли, поставив деревянную конструкцию позади платформы таким образом, чтоб сгрузить гроб сразу на неё.

Спустив гроб и уложив его на носилки, мы расположились в таком же порядке, как и в квартире, подняли и несём покойного между оградками по узкой тропинке. На засохшей траве подмёрзшие грудки земли – это следы от кладбищенских кротов. Каким-то образом, старуха нас перегнала и размотала верёвку, подготовив её для предания Александра земле.

Мы установили тело у вырытой ямы для прощания родственниками и я отошёл в сторону. Саню хоронят рядом с могилами его родителей. Вдова медленно подошла, не отрывая всю дорогу взгляд от мужа, сжимая в пухлых пальцах платок. Приблизившись вплотную и начав всхлипывать, мгновенно зажмурилась и прикрыла нос платком. Сразу нашлись подруги, принявшиеся её утешать. Ужасная картина.

Зная, что данная процедура обычно занимает достаточно времени, я удалился подальше. Возле одной из могил, держа в руках две гвоздики, присел на колено парень в кожаной куртке. Он несколько минут глядел на каменную плиту с изображением молодой симпатичной девушки, походу жена или сестра. Затем плавно и аккуратно положил цветы на могилку и встал. Так и стоит и глядит на камень, о чём-то задумавшись. Наверное, он любил её, плохо потерять того, кого любишь, навсегда.

Он развернулся и наткнулся взглядом на меня и приостановился, покидая ограду. Я почему-то, чисто машинально, кивнул ему. Он секунду подумал, кивнул в ответ и стремительно ушёл, достав по дороге мобилку и что-то там набирая. Я снова устремил взор на памятник с изображением покойницы. Такая молодая, красивая и улыбающаяся. Как это ужасно и печально.

Вдруг Гришин хриплый голос шёпотом позвал меня. Уже намеревались заколачивать гроб. Егор с женщинами принесли крышку и накрыли тело. Работница кладбища дала рыжему молоток и несколько гвоздей. Под стук молотка резко усилилось рыдание Насти, которую, судя по всему, увели от гроба. Гвозди легко проходили сквозь фанеру, обтянутую тканью. Когда все гвозди забиты, под ящик протянули верёвку, я, как обычно, взялся за конец у ног. Все встали по углам могилы и начали опускать Александра. Всё так же доносился женский плач. Мне следует скорее опускать свой конец, чтоб честь, где расположены ноги, первой коснулась земли, и вот, ящик на дне. Старуха в тулупе подошла к здоровяку и взяла его конец, приказав всем отпустить верёвку, после чего принялась резво сматывать её. Присутствующий здесь народ брал по горсти земли с кучи и бросал в могилу. Гриня одним из первых набрал полную

пригоршню глинистого чернозёма и резко метнул в яму. Я предпочёл не участвовать в процессе, т.к. считаю плохой приметой брать кладбищенскую землю в руки, будучи наслышанным о её широком использовании в области чёрной магии. Каждый по очереди отдал дань памяти усопшему, двое молодых парней в затёртых рабочих комбинезонах моряков, судя по всему – ещё одни работники кладбища, взяли за совковые лопаты и принялись наполнять могилу с покойником землёй.

Все медленно шагали к выходу, обивая об асфальт грязь, налипшую на подошву обуви. Всё так же дул ветер и из-за того, что весь день отсутствует солнечный свет, трудно примерно определить, который сейчас час. Настасья ещё долго о чём-то общалась с работницей, поэтому мы решили подождать её у автобуса. Гриша почистил ноги по ходу движения, оббивая башмаки об асфальт, ну а мне привычнее об чистик у ворот. Соблюдая народное поверье, я вышел из кладбища не оборачиваясь. На прежнем месте стоял тот самый ЛАЗ и процедура погрузки пассажиров в точности повторилась. Всё-таки мне взбрело в голову взглянуть в сторону ворот, отыскивая взором работодателя. Она как раз выходила в сопровождении двух друзей. Я вышел из-за автобуса, подзвав уже где-то стрельнувшего сигарету Гришу, чтоб навязаться её взору, т.к. в душе было беспокойство, вдруг она о нас случайно позабудет. Госпожа заметила нас и попросила своих товарищей подождать, направляясь к нам, по пути запустив руку в сумочку. «Не забыла» – согрела душу приятная мысль и мне захотелось плясать. Подойдя, Настя достала из кошелька две пятидесятигривневые купюры, протянув нам. Мы резко схватили, услышав от неё благодарственную речь. «Так вы это... Обращайтесь если что» – прохрипел выбрасывающий окурок Гриша. «Обедать будете?» – требовательно спросила хозяйка, чётко дав понять, что второго предложения не будет. Деньги уже были в кармане, да и от утреннего пирожка не осталось следа, и, разумеется, мы согласились. Настя пошагала в иномарку, где её ждали товарищи. Автомобиль, судя по всему, здорового, т.к. рыжий ехал с нами. Ну а мы живо запрыгнули в автобус. Многие места были свободны, и мы без проблем уселись. За нами зашли ещё несколько людей, звук оборотов двигателя, скрип дверей и машина тронулась с места.

– Хух, ну наконец то можно снять это полотенце.

– Эх, хорошая женщина, жалко её, ты видел, как она убивалась над гробом?

– Ой, Миша, не вспоминай. До этого она держалась, т.к. всё это висело на ней.

– Ну, а нам с тобой после смерти такое счастье не грозит. Нет у нас тех, кто бы плакал и это всё организовывал, так что если не начать копить денежку, то и похоронят нас под забором.

– Да какая, в общем-то, разница, как тебя похоронят? Мне лично после смерти уже будет всё равно, что и как со мной будет.

«Хлопці, щовитаке кажете?» – не могла промолчать сидящая позади тётя Зина, подслушивая от скуки наш разговор. И вправду, чего о смерти-то думать, как придёт – никуда уже не денешься. Вот почему-то меня всё ещё волнует вопрос о том, узнает ли моя дочь, когда меня не станет. Хоть бы ей кто-то сказал, пусть даже после того, как меня похоронят, лишь бы она нашла мою могилу и пришла со мной простаться. Все мои друзья давно уже меня бросили и им всё равно, если я исчезну. И тут я всё таки решился на вопрос, но задавать его пришлось тихо, чтоб соседка не слышала.

– Гриш, а когда я помру, будешь по мне плакать?

– Ты что, дурак? Что ты такое несёшь?

– Ну, серьёзно.

– Ну, конечно, с кем же я тогда пить буду? Да и не факт ещё, что ты первый помрёшь.

Мы оба заулыбались. Я обернулся назад, оценить реакцию бабули. Та лишь вздохнула через нос и повернулась к окну. Всё с нами ясно. К тому же половина автобуса посчитала нужным взглянуть на нас укорительным взглядом, что не могло не угнетать. Одна из бабушек даже перекрестилась. А ведь действительно, жаль Анастасию, её сейчас будет тяжело и непривычно, когда в доме отсутствует любимый человек. И не просто, сожитель, а воистину любимый. Каждый день по утрам они шли под руку по делам, чего не хватает большинству супружеских пар данного возраста. Да я никогда и не слышал, чтоб он жаловался на неё кому-либо. Возможно, у них и были ссоры, но никто из них не выносил сор из избы. И детьми своими он гордился: один футболистом был, у другого своё дело, приносящее им прибыль. Тем не менее, жили они всегда сравнительно скромно, на всё, что они купили, они заработали сами. У Саши был старенький немец, который он перегнал из Молдавии в конце девяностых, и ездил он на нём до самой пенсии, пока не продал. До этого, отец подарил ему отечественный прототип Тольяттинской автомобильной промышленности. Мы копались в нём всем двором. После каждой произведённой ремонтной операции, собирались у него в гараже за гранёными стаканами беседовали на мужские темы, строя планы дальнейшего ремонта и замены. С каждым улучшением, его Жигулёнок летал, как ракета, особенно после того, как покойный дед Максим переделал его карбюратор под спортивную езду. Правда, это существенно повлияло на расход топлива, но в то время это не являлось проблемой. Но и кольца, так же, приходилось менять чаще, да и много чего другого, поэтому от данного стиля Сане пришлось отказаться. А с появлением современной немецкой техники, ремонтные работы производились реже. Всё ограничивалось периодической заменой масла и доливанием импортной охлаждающей жидкости в бачёк радиатора. А в основном, машина работала как часы. Да и Александр, тоже, был трудолюбивым мужиком. Всё у него в руках всегда ладилось, и работа спорилась. Одним словом – мужик.

Вот мы и приехали в кафе. У входа переносной умывальник с тёплой водой, несколькими кусками мыла и рулонами бумажных полотенец. Возле раковины столпились старухи, которые, как обычно, помогают руки и не отходят по непонятным причинам, создавая тем самым столпотворения. Ну, да ладно, в их возрасте уже не принято куда-либо спешить. Мне, всё-таки, удалось протиснуться, быстро помыть руки и войти в зал. Сняв шапку, я присел скраю, чтоб никому не мешать в случае, если нужно будет быстро уйти. Гриша и Егор, заметив меня, заняли места рядом, чтоб было с кем выпить. Егор налил нам водки, до того, как все расселись и каждый наложил себе в тарелку по несколько кусков мяса и сала. Наконец все собрались. Вдова встала во главе стола, рядом с ней два её друга, все поднялись, взяв рюмки. Настасья стала благодарить всех за то, что собрались, несколько лестных слов о своём покойном муже, при этом, с трудом, сдерживая слёзы, и со словами «Царство Небесное» все перекрестились. Сладкая жгучая жидкость смочила глотку. Плавный выдох, и сало. За столом вперемешку заседали простые труженицы-бабки с интеллигентноговида женщинами. Вторые, аккуратно набирали пищу в тарелку, делили на части и молча ели, глядя исключительно в тарелку и изредка выпивая. Охмелевшие бабки же, никого не стесняясь, громко общались между собой с набитыми ртами и широкой жестикуляцией, стесняя при этом интеллигенток, сидящих рядом. Старухи уже забыли, по какому поводу здесь собрались, громко хохоча и обсуждая общих знакомых, выкладывая друг другу свои истории. Где бы они ещё могли так пообщаться? Мы с мужиками, доедая борщ, так же обменивались историями. Егор рассказал о своей семье, сказал, что у него дочь за границей. Что сейчас с женой приторговывает самогоном. Не обошли разговором и покойного, т.к. каждый из нас в своё время с ним тесно контактировал. Егор, даже, работал с ним. Ели мы мало, по чуть-чуть дегустируя разные блюда. Особенно все оценили мясной ролет с грибами. Он хорошо приходился к водочке. Рюмка за рюмкой, не чокаясь, жидкость лилась в желудок, оставляя по себе жгучие ощущения в груди, сгущая разум с каждой каплей. И вот она – кондиция. С трудом воспринимается чужая и выговаривается своя речь. Векитяже-

леют, взгляд невозможно сфокусировать. Это беспомощное, но такое родное и такое приятное чувство безразличия. Любая обсуждаемая тема мгновенно забывается, перебиваясь другой, которую давно хотел сказать собеседник. За окном пасмурная холодная погода и уже начинало темнеть, тусклый свет в зале очень напрягал глаза, и было так тепло, так уютно в приятной компании мужиков, объединённых общими темами и бытовыми разговорами. Мозг уже начал потихоньку отключаться и готовиться ко сну, не смотря на то, что ещё нужно было чесать домой. И вот все начали понемногу вставать и расходиться. Мне так было лень подниматься, так хорошо сиделось, однако крепкая рука Гриши толкает меня в плечё со словами: «Давай вставай, алкаш, совсем напился». Я, опираясь в стол и стараясь не задевать посуду и не создавать лишнего шума, встал на ноги, оправдываясь, что я ещё не пьян до крайней степени и что могу ещё себя контролировать. Только я повернулся к товарищу, как заметил, что он о чём-то договаривается с хозяйкой, склонившись и одобрительно кивая. Пока никто не видит, я положил в салфетку пирожочек, бутербродик с маслом и шпротами, пару кусочков сала и колбаски и две котлетки. Всё это я завернул во вторую салфетку и живо сунул в карман. Взяв в другую руку пару конфет, я подошёл к распрощавшемуся Грише. Тот уже одел шапку и дожидался меня. Вышли на улицу. Морозный ветер заставил немного протрезветь, но всё же, ноги слегка подкашивались.

– Что она говорила?

– Говорит, что сейчас она едет домой, а мы, когда придём, чтоб зашли к ней. От Саши осталось много новых вещей, которые он почти не одевал и она отдаст их нам, т.к. ей они не нужны, а только место занимают.

– Так это же хорошо, тем более, что Саня был добрым человеком, и, я думаю, он будет не против.

Так мы шли вдоль улицы по тротуару. Путь предстоял приличный, но мы уже достаточно прошли, чтоб садиться на маршрутку. Да и не было её в поле зрения. Ветер к вечеру усилился и разговаривать было трудно. На улицах почти не было прохожих. Не удивительно – в такую-то погоду. Мимо мчались автомобили, ветер от которых рассеивался, после чего волной накатывал на нас. В окнах уже зажигался свет, а автомобилисты включали фары. Я зачем-то предложил товарищу конфетку, он отказался и я спрятал её в карман.

Вот уже и рынок, на котором уже зажгли фонари, и родная улица, и кирпичный двухэтажный дом. Мы решили ненадолго зайти домой. В кармане с парой конфет, я с шелестом достал ключ и открыл дверь. Тишина и темнота. Теперь-то я включил в прихожей освещение, которого так избегал в начале дня. Разув ботинки и вытащив из кармана свёрток из салфеток, я положил его на тарелку и занёс на балкон, чтоб еда не испортилась. И снова меня накрыло хмелем. Замёрзший нос и пальцы пылали жаром, пытаюсь согреться, но в дверь постучали. Я даже знал кто это. Это торопливый друг, который уже спешил идти и делить «наследство» покойного.

Мне приходится быстро прикрыть балкон и торопиться уходить. И как обычно, пока я обуваюсь, молдаванину обязательно нужно ещё пару раз стукнуть по дверям, будто я от этого скорей выйду. Его красная морда с золотыми зубами уставилась на меня, после чего он повернулся, торопясь к вдове. Моё туловище всё ещё шатало и было трудновато держать равновесие. Однако, сапоги дорогу знают и я следовал за спутником. На улице уже совсем стемнело, небо над городом было затянуто тучей, которая отражала свет фонарей и прожекторов. Одним словом: небо над городом светилось и без месяца и звёзд. Замёрзшие лужи так же хорошо отражали свет из окон. Мы быстро добрались до соседнего дома, где и жила Настя и когда-то жил Саня. Снова поднялись по ступенькам, по которым сегодня уже ходили и позвонили в дверь. Мне всё ещё было хорошо, но уже хотелось прийти и лечь скорее спать. Хозяйка пригласила нас в ту самую комнату, откуда я сегодня забирал венки. В прихожей, зеркало днём было, как

и полагается, завешено простынёй. Сейчас же оно уже было открыто. Я на минуту взглянул в него и удивился.

Мало того, что у меня перед глазами всё плыло, так ещё я никак не мог узнать себя в отражении. Я напрягал глаза, но всё равно, силуэт в отражении никак не сходился с тем, который я видел в зеркале в последний раз. Там стоял какой-то мужчина с тощим лицом. Кожа лица чёрная и обвисшая. Белые глазные яблоки светились в темноте. Я застыл в оцепенении. Мы глядели друг на друга почти вечность, не производя никаких движений. Вдруг хозяйка включила в прихожей свет. «Может так вам будет виднее?» Действительно, темнота и пьяный угар исказили видимость, и я в этом убедился, увидев в зеркале красное, небритое лицо с глубокими морщинами на лбу и возле глаз. Та ё маё. Привидится же такое, даже спать перехотелось. «Ты идёшь?» – грубым пропитым голосом проворчал Григорий из комнаты. Его громоздкий силуэт занял весь дверной проём, держа в руках какую-то футболку. Мне ничего не оставалось, как присоединиться к компании. Войдя за порог, я вижу аккуратно сложенную новую одежду на диване. Это были в основном футболки и рубашки. Гриша уже успел присвоить себе единственную ценную вещь – джинсы. Но мне не завидно, потому как у Сани с Гриней схожий объём бёдер, так что они на меня были бы великоваты. «Я набрала ему футболок и рубашек, а некоторые оказались маленькими» – равнодушно за моей спиной произнесла вдова, пробираясь к центру комнаты. Ну раз уж маленькие – значит на меня. Хотя я рано обрадовался. Из всего гардероба мне досталось от силы: две рубашки с длинным рукавом и одна белая футболка. Хотя друг тоже не особо поживился. Вся одежда, в основном летняя и сейчас не особо пригодится.

В соседней комнате раздавался мужской диалог. Похоже, дети всё-таки приехали. Разговор был спокойный, без повышенных тонов, словно они боялись кого-то разбудить. «Будете уходить – вынесете, пожалуйста, эти два мешка к помойке. Это вещи мужа, которые он носил» – томно озвучила просьбу Настя. Ну, слава Богу, выбранные нами вещи он почти не одевал. Ну мои, по крайней мере, точно. Молдаван поджал «награбленное» подмышку, взялся за один из целлофановых мешков и поволок ближе к выходу. Я хотел взять второй, но вдова меня отдернула. Она повернула меня к себе, достала какой-то свёрток из кармана и протянула мне, шёпотом произнося:

– Михаил, я могу вас попросить об одолжении? Это обручальное кольцо моего мужа. Он зачем-то снял его перед смертью и положил так, что я только сегодня его нашла. Как только выйдете к помойке – тут же выбросьте его! Я вас умоляю.

– Да, хорошо. Я выброшу его.

Я взял завернутое в платок золотое колечко и сунул в карман брюк. Тут в комнату вошёл бородатый. Она резко отвернулась от меня и покинула комнату, а я взял другой мешок.

– Что это вы тут делали? Ты, как обычно, заигрываешь с вдовами? Вот был бы Саня, он бы тебе руки-то повыкручивал бы, – улыбаясь золотыми зубами, произнесла бухая красная рожа.

– Иди и проспись, старый алкаш! Бухаешь каждый день – вот тебе и мерещится.

– Да ладно, я же прикалываюсь. Зачем ей такой ханыга как ты нужен?

Да уж, друг всегда был щедрым на комплементы, за что не раз получал по бороде. Я поднёс торбу к выходу и стал обуваться. Из двери напротив показался старший сын. Он взглянул на нас, кивнул и проследовал на кухню. Я не сразу его узнал. Вылитый отец в его годы. Когда с трудом стоишь на ногах – трудно их обуть. Но всё же, я отворил дверь и вынес свой баул в подъезд, прощаясь и благодаря хозяйку. На душе удовольствие от насыщенного дня. Хорошо выпил, поел, нажил пару шмоток, да ещё и денег заработал. Кстати о деньгах.

– Ну, так что, Гриша. Ты обещал, что твою долю, заработанную у Васи, мы вечером пропьем.

– Ты что, ещё не напился? По моему, ты и так бухой. Сейчас самое оно – прийти домой и лечь спать, и так день напряжённый.

– Что значит спать? Ты меня развёл на пирожок, при этом я заработал меньше тебя, а теперь собираешься съехать?

– Ты старый жлоб! Если я сейчас куплю бутылку, ты её даже не ощутишь. Всё равно, завтра сутра жрать захочешь, вот и пойдём сутра и поедем за мои. А если останется – пузырь возьмём. Или ты думаешь, что если сегодня повезло, то экономить не нужно?

Логично. Он никогда не отличался чрезмерной жадностью, чтоб меня обманывать, а завтра тоже на что-то жить надо будет. Ну, и Бог с ним – и так день довольно удачный. Бывают же добрые люди. Мы уже поднялись на этаж и стали открывать двери. Меня по-прежнему шатает. Я попрощался с другом и зашёл. Перед глазами всё плывёт, мозг не соображает, но зато так хорошо, так спокойно. Я быстро разделся и завалился под тёплое одеяло. Думаю, что теперь я быстро усну. Голова полностью свободна от лишних мыслей, как это бывает, когда ложишься спать трезвый. Мне было тепло, хорошо и нынешняя ситуация меня более чем устраивала. И вот я усypаю.

И вижу я поле. Сухая трава торчит из чернозёма. Боже, как же долго идти, чтоб выбраться из этого поля. Почему небо серое? Солнце светит, но всё серое. Я падаю. Лежу, и никак не могу встать. Как только поднимаюсь – меня сносит ветер. И валяюсь я, и всё никак не могу встать. И вдруг крик. Я просыпаюсь и открываю глаза. Какого лешего? Прямо над моей кроватью стоит Саня и тянет ко мне руки. «Саня – ты?» Молчит. Всё моё тело охватил паралич. Я смотрю на него, а он на меня. Смотрит и молчит. Я всё ещё пьян и не могу сфокусировать взгляд. Вдруг он открывает рот и тихо произносит: «По-мо-ги». Снова тянет белые руки, фактически прикасаясь ко мне. Я чувствую его холодное прикосновение и начинаю кричать. И тут я снова просыпаюсь от собственного крика. Вскрываю из-под одеяла, мгновенно протрезвев, и осматриваюсь. В комнате я сам. Никого нет. Хух, ну и приснилось...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.